

Thanks for trying out Immersive Reader. Share your feedback with us.

"Отстреливают нас, как зверей". Мирные жители бегут от российских войск

Татьяна и Роман Власенко с детьми во время празднования Нового года

После аннексии Крыма Россией Роман и Татьяна Власенко решили стать внутренними переселенцами и переехали из Симферополя в небольшой курортный городок Ворзель под Киевом. Там они построили дом и стали жить вместе со своими тремя детьми. Прошло 8 лет, и они снова увидели российских солдат – на этот раз уже у своего нового дома.

Первые бои, о которых стало известно после решения Владимира Путина начать войну против Украины, пришлось, помимо Харькова, на пригороды Киева. Бои за Гостомель, где российские военные заняли аэропорт, постепенно распространились и на прилегающие к нему населенные пункты: Бучу, Ворзель, Ирпень. После того как местные жители несколько дней провели в подвалах под обстрелами, у них начала заканчиваться еда. Гуманитарные коридоры для выезда мирных жителей Россия не открывала, и семья Власенко решила на свой страх и риск выехать из города и вывезти своих детей. 4 марта при попытке эвакуироваться из Ворзеля все они попали под обстрел.

Роман Власенко на фоне своего обстрелянного российскими военными дома в Ворзеле

7 марта **Роман Власенко** уже писал из Ирпеня в соцсетях, чтобы сообщить родным и друзьям: "У нас только что появилась связь – слабенький вайфай. Мобильной связи нет совсем. Мы в изоляции. Расскажу самое тяжелое – последствия. У Кати повреждены легкие, переломы грудной клетки, пробиты два сустава на ногах. Это главное. Дыхание восстановили. У Тани беда с ногами. Правая нога от бедра до голени – осколочные переломы, на левой ноге – открытый перелом голени. На обеих ногах открытые пулевые ранения плюс аппараты Илизарова. Обе в сознании, едят, им делают сложные перевязки. Лежат на обезболивающих. Я рядом – помогаю чем могу. Мы в Ирпене, и пока нет безопасного гуманитарного коридора, уехать не сможем. Больница – без отопления и света, но персонал и врачи героически работают. Восстанавливаемся, ждем возможности уехать. Врачи говорят, что прогноз положительный".

Татьяна Власенко рассказала Радио Свобода, как она и ее дочь Катя получили описанные ее мужем ранения:

– Где вы сейчас находитесь? Что с вами произошло?

– Мы находимся сейчас в киевской больнице. В какой конкретно – я сказать не могу, мне не разрешают. Что произошло с нами? Мы пытались самостоятельно эвакуироваться из Ворзеля 4 марта. До того момента Россия не давала никаких "зеленых" коридоров, и мы не верили в то, что они их когда-нибудь дадут. А у нас в поселке Ворзеле с начала войны, с самого первого дня, разбомбили наш дом. Мы жили в подвале у соседей. Были бои прямо у нас на улице, прямо в нашем поселке, танковые бои, взрывались гранаты, минометы и все такое, а мы жили с двумя детьми в подвале уже несколько дней. Дети уставшие были психологически. Мы – в подвале, еды не хватало. И мы решили, как только появится хоть момент тишины, рвануть на территорию, которая вроде как наша, освобожденная.

Дом семьи Власенко в Ворзеле после обстрелов

В нашем подвале у соседей, где мы прятались, было старое советское радио, 1970-х годов. И через это радио мы пытались ловить какие-то волны, чтобы услышать хоть какую-то новость, потому что телефоны не работали – не было ни света, ни воды, ни газа, ни связи, ничего не было, только это радио, как источник жизни, из которого мы что-то слышали. И вот, когда 3 марта закончился бой, а он шел над нашей головой больше 6,5 часов, мы услышали по радио, что вроде как наши воины отбили российских солдат вглубь, что Ирпень и Буча теперь наши. А мы в Ворзеле. Ворзель – это малюсенький курортный

поселок, там минимальная инфраструктура, совершенно ничего нет военного. Он мирный, домашний: детский дом, роддом, детские санатории и несколько поселкового плана домов. Мы хотели просто рвануть на Ирпень, город, который ближе всего расположен к Ворзелью, который вроде как был под контролем украинских солдат. До него ехать было от нашего дома через маленький оставшийся в живых мостик буквально 800 метров. Было тихо. Я вылезла из подвала, сама пошла на разведку, прогулялась по улицам. Было очень тихо, аж страшно тихо. Никого вокруг не было. Я искала или танки, или блокпосты, или солдат. Я помню, меня еще соседи не пускали: "Куда ты лезешь, дурочка! Тебя сейчас там застрелят". А я им говорю: "Да, ладно, я одна простая женщина. Что они со мной сделают? Я – мирный житель". Я походила по улицам, по дорогам и не нашла ни танков, ни блокпостов, ничего, и я подумала, что чисто, пусто, что можно ехать. Мы быстро загрузили в машину вещи, детей – я, муж и двое детей (старшей дочке 16 лет и младшему сыну 8).

Здесь нет нацистов. Вам засрали голову

Надо было переехать только две улочки, один мостик, еще одну улочку, и мы бы были уже в Ирпене. Но как только мы повернули за угол нашего дома, в нас начали стрелять из дворов. Российские солдаты попрятались во дворах мирных жителей. Я их не видела. Они подло даже не открыли ворота, они стреляли прямо из-за ворот. Когда мы закричали и сразу же остановились, муж закричал и остановился: "Здесь дети, что вы делаете?" Один из них вышел за ворота. Это был не русский, по-русски он нормально не говорил. На нем была кепка с георгиевскими ленточками. Он очень злобно на нас смотрел и начал махать руками: "Что вы здесь делаете? Уходите отсюда!" Муж говорит: "Здесь дети, мы хотим выехать и вывезти детей. Можно мы проедем по этой улице до моста и свернем?" Он нас не понял, наверное, сказал "да" и махнул рукой, типа езжайте. Мой муж воспринял это как разрешение и нажал на газ. Там была дорога, разбитая танками, поэтому проехать тихо и спокойно не получилось бы. Поэтому он нажал сразу сильно на газ. И как только муж газанул, буквально спустя 100 метров на нас полились автоматные очереди со всех дворов. Россияне рассредоточились во всех дворах и не останавливались.

Я не могла пошевелиться, потому что все мои ноги от бедра были раздроблены просто в мясо

Муж кричал нам: "Пригните головы!" Я видела, как летали пули, как вылетали стекла. А я уже чувствовала, как влетают в меня пули, и я понимала, что стекла уже летят везде. Я еще такая наивная дурочка, думала, что если мы доедем до их блокпоста, я покажу им наши документы, что мы мирные жители, то нас пропустят. Я в руках как раз держала файл с нашими паспортами и детскими свидетельствами о рождении. Я смотрю, а у меня весь файл забрызган кровью, и я уже ничего не видела на этих свидетельствах. А муж кричит и машет руками: "Что вы делаете?! Здесь же дети!" Они перестали стрелять, вышел российский солдат, очень был похож на офицера, потому что у него была выправка и интеллект на лице виден. Он вышел к нам. Муж ему кричит: "За что вы убили мою дочку?!" Их пули прошли нас, попали в спину моей дочери, и она хрипела. Из нее выходил свист, кровь. Она лежала уже без сознания. А я не могла пошевелиться, потому что все мои ноги от бедра были раздроблены просто в мясо. Я пыталась их руками сложить в какой-то кусок, где-то нажать, чтобы не шла кровь, но это было невозможно. Я лежала и чувствовала, что теряю сознание, а муж с ними говорил: "Что же вы сделали?! Зачем вы убили мою дочку и жену?! Мы же ничего вам плохого не сделали! Мы же не начинали эту войну!" Он нам ответил: "Мы тоже ее не начинали. Вы даже не представляете, сколько в таких цивильных машинах ездят нацисты и забрасывают нас гранатами. Мы просто защищались. Мы выполняли приказ – мы стреляем во все, что движется". И тогда с ним заговорила я: "Мы похожи на нацистов? Посмотри на меня, на мою дочку. Мы не звали тебя сюда. Мы не звали сюда войну. Все, что мы хотели сделать, мы хотели вывезти наших детей в тишину, где нет войны, где не стреляют!" Я не знаю, что в нем проснулось, но что-то человеческое мелькнуло в нем. Он позвал кого-то из своих солдат. Вокруг нас сразу сгрудилось много солдат. На что я обратила внимание, они были все молодые. Не знаю, срочники – не срочники, но мне 42 года, для меня солдатики все были молодые – 20–22 года. Они тащили к нам бинты. Они пытались

оказать первую помощь. Они прикладывали к спине дочки какие-то бумажные полотенца. Мне пытались перебинтовать рассыпавшиеся ноги. А муж все кричал на них, что "дайте же нам добраться до госпиталя. Нас могут спасти только в госпитале". Они не хотели нас

сначала пускать, а потом что-то произошло... Я все время говорила с этим русским... Он сначала удивился: "А почему вы говорите на русском языке, вы же украинцы?" Я говорю: "А потому что у нас Украина – свободная страна. Мы говорим на любом языке, на котором выбираем говорить сами. Здесь нет нацистов. Вам засрали голову". Я так ему и сказала. А моему сыну повезло, его Катя, старшая дочка, закрыла собой, и пули в него не попали. Он только орал во весь голос: "Русские, я вас ненавижу, вы убили мою сестру!" Пусть этот звук всегда будет у них в ушах. Но спасибо им, что-то человеческое в них проснулось, и они разрешили. Наш сосед выскочил на своей машине из соседнего двора, нас перегрузили туда, детей, меня бросили в багажник, и буквально за несколько минут успели довезти до ирпеньского госпиталя. Там просто героические врачи смогли спасти нам жизнь. Отдельная история про то, как героически наши ребята из территориальной обороны добыли в Киеве кровь, которая была мне нужна, и успели доставить вовремя. Нас спасли. Когда меня привезли, у меня оставалось 30 процентов крови, а Катя вообще сипела и не могла дышать сама. Но нас спасли, мы сейчас живы и благодарны нашим украинским воинам, нашим украинским простым людям, которые нас поддерживали.

Татьяна и Роман Власенко

– *Есть ли шанс, что вы сможете залечить раны и не будете иметь тяжелые медицинские последствия после полученных ранений?*

– Нам сказали, что если будет месяц-два проведена качественная реабилитация, то мы сможем нормально функционировать. Ну, про качественную реабилитацию и два месяца сейчас в данных условиях Киева и войны мне даже страшно подумать. На данный момент мы лежим у окон, слушаем сирены и понимаем, что нам даже некуда спрятаться, мы обе лежачие, мы недвижимы.

– *Обстрелы Киева продолжаются? Вы слышите взрывы и артиллерию?*

– Конечно!

– *Какие бои происходили все те дни, что вы находились в Ворзеле?*

Сейчас, когда мы боремся за нашу свободу, нас за это убивают

– Туда зашла российская танковая колонна. Дело в том, что они все пытались прорваться на Киев, а все пути, которые могут их соединить с Киевом, наша украинская артиллерия отрезает – взрывают мосты, ставят свои орудия. Наш поселок вроде как в стороне, такой курортный поселок, но в нем есть маленький мосточек через речку, которая соединяет Ворзель с Ирпением и, соответственно, Ирпень с Киевом. И получается, что они каким-то

образом прознали про эту одну маленькую дорожечку с одним маленьким мосточком и решили всей этой танковой армадой идти через нас. Когда был бой, наш храбрый сосед, который нас спас и довез до ирпеньского госпиталя, выглянул в минуту затишья из погребка и

насчитал 20 с чем-то танков, которые шли по нашей улице. Поэтому так и получилось, что вот этот жаркий бой случился у нас в Ворзеле. И, как я потом поняла, не получилось у наших оттуда россиян выбить. Они там закрепились. Ворзель до сих пор под российскими военными. Они там бесчинствуют, издеваются над людьми. Слава богу, я слышала, что хоть после нескольких дней они разрешили "зеленые" коридоры, и людей централизованно колоннами оттуда эвакуировали. Если бы мы подождали еще несколько дней, был бы шанс нам эвакуироваться.

– *Как вы относитесь к тому, что происходит сейчас в Украине?*

– Это сюр, который не укладывается в голове. Это ненормально. У нас мирная, спокойная, певучая страна. Да, у нас там какие-то есть проблемы в политическом строе, что мы сами не знаем, куда мы идем. Но мы так поступаем только потому, что мы молодые, мы только учимся, грубо говоря, ходить и становиться чем-то большим, чем личность. Мы долгое время были под Россией. Мы долгое время были рабами, а сейчас, когда мы боремся за нашу свободу, нас за это убивают. А люди-то у нас все хорошие, добрые. У нас никогда не было никаких каких-то, о чем говорят россияне, националистических стычек, никогда! Я всю жизнь жила, кого знала, видела, никогда не было! Как я могу к этому относиться, если в тот же Ворзель часто приезжали в гости россияне, к своим бабушкам, дедушкам, своим родственникам и знакомым. Они в наших магазинах закупались, с нами разговаривали, шутили. Наши люди их по-доброму принимали. А сейчас они отстреливают наших людей, как зверей. Если честно, в этой всей войне меня беспокоит только одно, что я своих детей защитить не могу, потому что я лежу беспомощная с перебинтованными ногами, а война продолжается, и я ничего не могу сделать, чтобы хотя бы дочку восстановить.

– *А дочка сейчас вместе с вами?*

– Да, дочка вместе со мной в одной палате. У нее прострелено легкое, четыре сломанных ребра, там еще колени, пятки, суставы, лопатка. Она тоже лежит. И, несмотря ни на что, смеется.